

ИСТОРИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Запорожцева Ольга Алексеевна

магистрант

Судацов Николай Дмитриевич

д-р ист. наук, профессор

ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет»

г. Ставрополь, Ставропольский край

ВКЛАД Г.Н. ПРОЗРИТЕЛЕВА В ИСТОРИЮ ИЗУЧЕНИЯ КАЛМЫКОВ

Аннотация: в статье описывается деятельность Г.Н. Прозрителева, направленная на изучение быта, духовной культуры и военной истории калмыков. Неоценимый вклад Г.Н. Прозрителевым был внесен и благодаря проводимым им этнографическим экспедициям.

Ключевые слова: калмыки, Ставропольский калмыцкий полк, кочевые набеги, этнографические исследования.

Среди исследователей Северного Кавказа второй половины XIX – первой трети XX вв., оставивших заметный след в истории края, необходимо выделить Г.Н. Прозрителева (1849-1933) – ученого, археолога, этнографа, историка, архивиста, археографа, краеведа, музейного работника, просветителя и общественного деятеля [1, с. 406]. Пример родителей, их благотворительность и милосердие, оказали решающее влияние на формирование личности Григория Николаевича. [1, с. 407].

В 1880-е годы Г.Н. Прозрителев познакомился с секретарем Ставропольского губернского статистического комитета, исследователем Северного Кавказа И.В. Бентковским и историком казачества, историографом И.Д. Попко. Под их влиянием он серьезно начал заниматься историей края, источниками по ее изучению. Краеведение и сохранение историко-культурного наследия стало смыслом и делом всей его последующей жизни [1, с. 410]. Помимо разносторон-

ней деятельности, Г.Н. Прозрителев понимал важность проведения этнографических исследований в регионе. Изучение образа жизни, повседневности, быта многочисленных северокавказских народов, по его мнению, должно было стать приоритетным в деятельности Ставропольской ученой архивной комиссии. Интерес представляла, прежде всего, культура кочевых народов: туркмен, ногайцев, калмыков. Внимание было обращено не только на их историю, но и на их современный быт, духовную культуру, религию. На основе изучения многочисленного архивного и этнографического материала Г.Н. Прозрителевым была написана работа «Военное прошлое наших калмыков», в которой говорилось о том, что «С устройством крепостей на Северном Кавказе и проведением Азово-Моздокской линии калмыки, имевшие свое отдельное военное устройство, в Отечественную войну 1812 года влились в ряды русских войск и встали на защиту России против французов. И одним из тех, кто помогал формировать калмыцкое войско был Алексей Федорович Ребров. В 1812 году был образован добровольный Ставропольский калмыцкий полк, который отличился, участвуя во многих сражениях с французами. Калмыки откликнулись на призыв правительства и полк начал формироваться еще с конца 1811 г.» [2, с. 5–6].

По документам, найденным Ставропольской ученой архивной комиссией в архивах главного штаба, было установлено участие Ставропольского калмыцкого полка в Отечественной войне. Калмыцкий полк в целом участвовал в ряде сражений: в битве при Бородино, арьергардные бои при деревне Лососне в 4-х верстах от города Гродны, 18 июля при деревне Больших Солечниках, 21 июня при деревне Воронов и Вишневе при взятии крепости Модлин и других. Также из документов видно, что полк этот был в Париже, состоял в отряде генерал-майора Денисова 7-го и возвратился в Ставрополь только в 1815 г. Как офицеры, так и нижние чины-калмыки были награждены знаками отличия военного ордена. После выступления в Париж все зайсанги, бывшие в офицерских должностях, награждены офицерскими эполетами, а до того они носили только погоны. Г.Н. Прозрителев приводит список калмыков Большедербентовского улуса, бывших в действующих войсках против французов и имеющих право на

получение медали, установленной «в память вступления армии в Париж» [2, с. 5–6].

За заслуги в деле изучения истории калмыков, их образа жизни, популяризацию знаний об их истории Г. Прозрителеву была выражена письменная благодарность и признательность, а также было присвоено звание «Почетный гражданин Большедербетовского улуса». Под его руководством комиссия организовывала этнографические экспедиции и командировки своих членов в уезды, аулы, села, станции для сбора этнографических материалов [1, с. 413].

Также в другой работе «Ставропольская губерния в историческом, хозяйственном и бытовом отношениях», Г.Н. Прозрителев писал о том, что «трудно было обзаводиться поселенцам хозяйством из-за частых набегов кабардинцев, которые мелкими шайками врываются во внутрь губернии. Чтобы с этим бороться, селения окапывались рвом, ворота с закатом солнца запирались, становилась стража, запрещался въезд и выезд. На поля для работ крестьянин должен был выезжать с ружьем и до заката приезжать в село, так как оставаться на ночлег было нельзя. Бывали случаи, что и эти меры не помогали. Хищники нападали на само селение, зажигали дома и сложенные скирды сена и соломы, убивали встречных, брали в плен, грабили скотину» [3, с. 7]. Немаловажно, что большую тревогу в жизнь мирного населения вносили и калмыки, которые подстерегали, выехавших в поле работать, крестьян и похищали скот. Калмыки не убивали людей и не нападали на жилье, но они могли ловко грабить в пути, по дорогам, запоздалых сельчан. А при случае даже и среди белого дня. Более всего страдали те села, которые располагались вблизи калмыцких кочевий – по р. Буйволе и р. Куме [3, с. 8].

Общие меры, ограждавшие безопасность сельских жителей Прикумских селений и всей кавказской области, а вместе и жителей с. Покойного, были приняты властями следующие:

«Указом гражданского губернатора от 20 августа 1813 года предписывалось Георгиевскому земскому суду подтвердить всем жителям прикумских сел, чтобы

они, отправляясь на полевые работы, брали с собой заряженные ружья и насаживали на дерево косу или пику, чтобы, в случае нападения закубанцев, могли отражать, и чтобы непременно возвращались с поля к 8 часам вечера» [3, с. 9].

14 мая 1828 года от областного начальника Вельяминова последовало постановление о мерах необходимых для безопасности и предосторожности селян:

1. Отныне впредь воспрещается всем магометанским народам, также калмыкам и другим инородцам внутри области, в аулах и хутунах, и кочевьях живущих, ездить по степям или обширным полям целиком и с оружием.

2. Если кто-нибудь из них имеет настоятельную надобность или сократить дорогу прямым направлением, или отыскивать в полях и степях пропавший скот, и во время этих поездок заметит работающих в поле поселян или пастухов при пастьбе скота, быв сам вооружен, тогда должен подъезжать к ним не ближе как на $\frac{1}{2}$ версты. Если же и при этом случае имеет надобность спросить их о чем-нибудь, то в означенном расстоянии, оставив оружие, может подъехать; в противном случае, т.е. кто, быв вооружен, подъедет на ружейный выстрел, то позволяется поселянам убивать их из ружей и не опасаться за то никакой ответственности.

3. Подтверждается поселянам во время занятий их в поле вооруженным кто чем, может и не слишком отдаляться друг от друга, но чтобы быть в виду между собою, соображаясь с положением мест, так, чтобы в случае появления хищников, или вообще вооруженных людей, могли друг друга связывать в одно место для защиты себя.

4. Разъезды казаков и поселян в партиях должны руководствоваться этими правилами и при встречах в поле с поселянами, подъезжать к ним не ближе, как на $\frac{1}{2}$ версты, а оттуда посылать от себя крестьянам одного из своей партии без оружия для объявления о себе.

5. В ночное время выставляемые от поселян в поле караулы должны окликать едущих людей издали, партия же должна делать поэтому отзыв и потом объясняться, как сказано выше, если же на три вопроса отзыва не будет получено,

тогда значит, что приближающаяся партия – неприятель, и тотчас принимать меры к защите и отражению [3, с. 9–10].

Также известно, что некоторые села, наиболее отдаленные, помимо окопа и заграждений, имели и пушку, как например: село Владимировка Святокрестовского уезда. Эти меры были необходимыми для ограждения населения от набегов кочевых народов [3, с. 14].

Но были и торговые отношения селян с калмыками. Так, постепенно создавались в селах базары и ярмарки, и, главным образом, в северной и северо-восточной части губернии, по близости к кочевьям калмыков, туркмен и ногаев, у которых отсутствовала в первое время запашка, что вынуждало их ехать на рынок за мукою. На рынке шел оживленный межевой и денежный торг, который давал большие выгоды крестьянам. В этом отношении самыми крупными пунктами были села Петровское и Владимировское [3, с. 26].

В заключении хотелось бы отметить, что благодаря нашим краоведам, ученым, общественным деятелям, мы можем по крупицам собрать и узнать историю калмыков с разных сторон, открыть для себя их культуру и быт, их нравы и обычаи.

Список литературы

1. Колесникова М.Е. Северокавказская историографическая традиция: II пол. XIII – н. XX вв.: Монография, 2-е изд., доп. / М.Е. Колесникова; науч. ред. М.П. Мохначева. – Ставрополь: изд-во СГУ, 2011. – 496 с.

2. Прозрителев Г.Н. 1812–1912 гг. Военное прошлое наших калмыков и Ставропольский калмыцкий полк в войну 1812 года / Г.Н. Прозрителев. – Ставрополь: Тип. Губернского правления, 1912. – 8 с.

3. Прозрителев Г.Н. Ставропольская губерния в историческом, хозяйственном и бытовом отношениях / Г.Н. Прозрителев. – Ставрополь: Тип. Пролетарий, 1925. – 66 с.